

IN MEMORIAM

памяти Натальи Николаевны Ивановой

12 ноября 2004 года, когда шестой номер STUDIA CULTURAE был готов к сдаче в печать, пришло печальное известие: на 53 году жизни скончалась доцент кафедры отологии и теории познания философского факультета СПбГУ Наталья Николаевна Иванова. Наталья Николаевна работала в стенах университета с 1974 г., вступив на педагогическую стезю сразу со студенческой скамьи. Она была наставником нескольких поколений универсантов, как студентов нашего, философского факультета, так и других факультетов университета. Я также у нее учился. Наталья Николаевна была очень требовательным преподавателем. В студенчестве мы ее побаивались – робость сохранилась и позже, когда мы стали коллегами: она была непреклонна в своих требованиях, не терпела халтуры, «школярства», невнимательного или поверхностного отношения к изучаемому предмету. Все очевидные достоинства такого, как нам тогда представлялось, сурового метода обучения в полной мере мы оценили гораздо позже, вступив в самостоятельную профессиональную жизнь. После окончания университета мы вспоминали ее с большой теплотой и огромной благодарностью.

В разделе «SYMPOSIUM» данного выпуска альманаха публикуется последняя, по-видимому, научная работа Натальи Николаевны: текст был передан в редакцию в сентябре сего года.

Предлагаемая ниже статья была написана для факультетского студенческого журнала VITA COGITANS, который возглавляла (уже не знаю, номинально или реально, для меня он всегда был ее детищем) Наталья Николаевна. Несколько раз мы с ней беседовали по затрагиваемым в статье проблемам. Предполагалось, что в VITA COGITANS будет открыта целая рубрика – рабочее название «Инновации в обучении: pro и contra» – где преподаватели, студенты и администрация смогут высказать свои мнения по данной проблематике. К сожалению, этому проекту не суждено было осуществиться. Публикацию этой статьи на страницах альманаха STUDIA CULTURAE, читателям которого, я надеюсь, затронутые в ней вопросы не будут безынтересны, я посвящаю ее памяти.

Е.Г.Соколов

Е.Г.Соколов

ИСКУШЕНИЕ НОВИЗНОЙ

Последние лет пятнадцать к системе высшего, да и не только высшего, но и среднего, и «низшего» образования обращены требования, исходящие и от правительственно-начальствующих кабинетов, и от «заинтересованных», и от «впрямую незаинтересованных», но «болеющих душой за державу» (публицистически-разглагольствующих) лиц, суть которых сводится к нехитрой формулировке: «Отечественное образование устарело и нуждается в радикальном реформировании». Более развернутая идеология содержит примерно следующие постулаты. Жизнь россиян за означенный период претерпела весьма существенные изменения. Школа-Вуз, сформированные в доисторические социалистические времена и, соответственно, призванные готовить «строителей и жителей коммунизма», продолжают все еще работать по той же самой модели, а потому не способны выполнять нынешний социальный заказ и реально готовить подрастающее поколение к вступлению в жизнь. Технологически, организационно, методологически, экономически и, что важнее всего, идеологически руководство старыми принципами совершенно неприемлемо. Учителя-наставники пичкают, де, подрастающих несмышленьшей массой абсолютно ненужной информации, совершенно не приспособивая их к взрослой жизни и не прививая им полезные

навыки, которые они смогли бы с успехом применять в дальнейшем. Итог: наше образование-воспитание оторваны/отстают от запросов современной жизни. А потому необходимо в срочном порядке внедрять всевозможные современные – т.е. соответствующие сегодняшним мировым образовательно-воспитательным стандартам (или, что, точнее, представлению генералов от образования о таковых) – стратегии, активно использовать разнообразные технологические новшества, интенсифицироваться весь процесс, приблизив его вплотную к реальным запросам современности и стать, таким образом, в ногу со временем.

Действительно, и Высшая, и Средняя, и «Низшая» школа находятся в непрерывном реформировании. Не только технологически переоснащаются, но и организационно трансформируются как в своих общих, конститутивно-идеологических, аспектах, так и в частно-повседневных деталях. Приспосабливаются, насколько могут, к обстоятельствам текущего момента. Немаловажное место в этом процессе занимает маркетинг (в широком смысле слова) «зон нехватки» (и «зон избытка») профессионалов в той или иной сфере. Не секрет, что в нынешнем образовании существует как перепроизводство, так и дефицит специалистов того или иного профиля (создается дисбаланс): одних подготавливается слишком много (в избыточном для текущих социально-производственных нужд количестве), они оказываются не востребованы обществом и вынуждены в дальнейшем переквалифицироваться, других, напротив, не хватает. Соответственно, мечта и греза: выпускать столько, сколько необходимо в данный момент государству, и определенного – опять-таки, необходимого на данный же момент – профиля. Иначе говоря, создание неких центров (не обязательно строго институализированных, достаточно просто «смысловых» и «позиционных», т.е. специально «над этим размышляющих») «быстрого реагирования», которые могли бы давать адекватную текущему положению вещей в этой области оценку и тем самым выдавать рекомендации: кого нужно готовить в данный момент, и сколько. Сегодня это происходит стихийно и сумбурно. Едва ли найдется такое образовательно-воспитательное учреждение в современной России, которое так или иначе не участвовало бы в этом процессе, не открывало бы новых, порой весьма экзотических, специализаций. На свой страх и риск, исходя из собственных представлений о том, что действительно «нынче нужно» и «жгуче востребовано». Наш университет, и наш факультет – тому не исключение.

Слов нет, идеология и красивая, и правильная. Действительно, вряд ли кто станет возражать, что задача любой школы состоит в том, чтобы

готовить нужных обществу людей, сдрессированных под определенный, ныне государственно утвержденный, «антропологический стандарт» и способных выполнять определенные производственные функции. Так же несомненно, что сегодняшняя жизнь весьма отлична от прежней во всех отношениях. Поэтому реформа образования – вопрос, патетически выражаясь, выживания страны, нации, культуры. Высшая, средняя и «низшая» школы, и наш университет в частности (как одно из подразделений системы) – безумно устарели, замкнулись в гордом величии прошлых побед и с трудом откликаются на «веяния моды». Такого – как говорят поездившие по миру коллеги, да и залетающие изредка к нам зарубежные «гастролеры» – нигде уже нет: архаический заповедник или заказник. Возразить, вроде бы нечего. Благородство задач – «быть ближе к реальности», «готовить сразу же, со студенческой скамьи, способных умело управлять станком жизни», «обучать производственно полезным навыкам» (что предполагает, в первую очередь, активное внедрение разнообразных технологических новшеств) – очевидно и не требует пространных доказательств, так же как и не может быть подвергнуто сомнению в принципе [1]. Однако...

Один из аспектов, о котором говорили выше – открытие новых специальностей, подготовка по новым областям знания и действия. Если жизнь открывает иные горизонты, то, вполне закономерно, что необходимы и специалисты, способные в этих пространствах умело управляться. Отчетливо прослеживаемая тенденция устанавливает новые образовательно-воспитательные поля (профили, области знания, роды деятельности, исследовательские стратегии) – это не только потому, что мы безумно устарели и вынуждены опять стремглав бежать за первооткрывателями и пионерами [2]. Но еще и потому, что сегодняшняя реальность повсеместно стремительно меняется: жизнь по всему миру необычайно интенсифицировалась. Не только формы и модели действительности, созданные столетия или тысячелетия тому назад, но и десятипятнадцатилетней (а может быть и в менее отдаленные времена) давности устаревают, морально, прежде всего, уже не отвечают насущным текущим требованиям. Чуть ли ни каждое пятилетие обнаруживаются «новые зоны», требующие и исследовательского внимания, и умелого оперирования. Так, скорее всего, продолжится и впредь. Едва ли в ближайшем будущем темпы обновления жизни затормозятся. Поэтому и номенклатура востребованных специальностей будет все время изменяться. Что, естественно, будет вызывать и в системе образования неизбежные – причем перманентные, вряд ли способные утвердиться на ка-

кой-либо продолжительный срок и откристаллизоваться в виде привилегированной нормы, определяющей образовательную «стилистику» эпохи или поколения – модификации. В этот процесс, как было сказано, включились и российские государственные образовательные учреждения. В том числе и наш университет. Отнюдь не добровольно и не от хорошей жизни, но в большей степени принудительно и от некоторой, как мне кажется, безысходности: старое, опробованное поколениями, оказалось по большей части абсолютно ненужным. Можно, разумеется, сетовать на инертность преподавателей, сформировавшихся в иной «сетке реальности», ссылаться на их консерватизм и неспособность мобильно приспосабливаться к «стремительным ветрам перемен», или сожалеть о минувшем, вздыхать по прошлым – лучшим! – временам, коллекционируя симптомы деградации и мельчания нынешней жизни, но обстоятельства весьма суровы: коль не востребованы обществом предлагаемые нами услуги, то непременно будем очень быстро «отменены историей», и государство вряд ли нас заслонит от стужи реальности. Поэтому расширение номенклатуры специальностей – вопрос, вроде бы, выживаемости. Т.е. в данном случае – легитимации, т.е. «высокого смысла» самой нынешней формы образовательной институции как таковой.

Сразу исключу один аспект. Его касаться впредь не буду. Не потому, что он-де не принципиален, или о нем как-то неприлично говорить. Просто – речь не о том. А именно: аспект экономический, денежный. Не знаю на сколько процентов, но почти уверен, что на изрядную долю, вопрос открытия новых специальностей, подготовки специалистов модных профессий, внедрения в учебный процесс всяческих инновационных «финтифлюшек» (репрезентативных, респектабельных, престижных) – это вопрос простого добывания средств к существованию и не более того. Продать себя подороже, завлечь-купить платежеспособного клиента симпатичной «феничкой», обойдя конкурента. Т.е. – проституирование в чистом виде. Чего изволите – то и дадим! Гляньте и «почувствуйте разницу»: у нас лучше, разнообразнее, современнее, евростандартнее, легче и быстрее, причем – «останетесь весьма довольны». Кто берет дешевизной, кто дороговизной – не суть дела. Цель одна: «грести деньги лопатой». А это возможно лишь при очень большой мобильности, способности гибко реагировать на瞬息万变 образовательный запрос. Модное (в нашем случае это равносильно: принесшее наибольшие дивиденды) в нынешний сезон, скорее всего, в следующий уже не будет столь же прибыльным. Репертуар необходимо менять-обновлять

быстро и постоянно. Спорить с подобной установкой или возражать ей не имеет смысла: это – экзистенциальная стилистика времени, манера артикуляции не только образовательного, но и многих других родов реальности. Кроме того, когда подобные организационные формы подготовки/переподготовки специалистов практикуются в стенах государственных учебных заведениях – это еще, сплошь и рядом, также и вопрос «физиологического выживания» (самого учреждения, а также тех, кто в нем работают) или, как нынче выражаются, «достойной жизни», о чем, в принципе, выносить какой-либо здраво-разумный вердикт не совсем пристойно. А потому остановлюсь на другом моменте. А именно: насколько наша государственная образовательная система вообще, и в частности – система высшего образования, и в еще большей частности, наш университет – «по понятию», «по институции», «по высокому смыслу и прагматическим задачам», наконец, «по организационной концепции» (на принципы которой, не смотря ни на какие новшества последних пятнадцати лет, никто особенно-то и не нападал, и отменять которые как в ближайшем, так и в отдаленном будущем никто, вроде бы, не собирается) – способна успешно и продуктивно включиться в процесс подготовке актуальных данному моменту специалистов.

Поделюсь своими наблюдениями за тем, как именно происходит процедура открытия новых специальностей (специализаций) в государственных Высших учебных заведениях. Ведь открыть новую специальность – это означает не просто дать объявление в рекламном проспекте о «наборе на», провести вступительный отбор желающих, запустить процесс обучения, да и выдать через некоторое время диплом «подобающего – государственного! – образца». Нет, все гораздо – гораздо! – сложнее. Могу заявить с полной ответственностью человека не раз, и не два либо прямо и непосредственно участвовавшего в открытии новых специальностей, либо очень близко наблюдавшим за тем как это происходит, процедура сея – чрезвычайно долгая, нудная и очень трудоемкая. Во многих моментах, как представляется, и вовсе абсурдная. Если мы сегодня, положим, решим, получив от кого-нибудь «команду» действовать «в этом направлении», либо проявив собственную инициативу, наладить выпуск специалистов определенного профиля, то самое раннее, когда мы сможем их подготовить для нужд уже ненародного хозяйства – это через 6-8 лет и никак не раньше. В лучшем случае. При условии, что все пройдет без сучка и задоринки, что случается крайне редко. Года полтора – два уходит на лицензирование специальности. Подготовка килограммов необходимой документации: написание-утряска

учебных программ и планов, их утверждение, согласование и визирование в ста и одной инстанции (в каждой из которой могут «завернуть» или вовсе отказать), прохождение всевозможных экспертиз, как в Питере, так и в Москве и пр. Разумеется, можно, дабы ускорить процесс, объявить об открытии специальности и делать наборы, не дожидаясь итоговой разрешающей министерской «визы», надеясь, что рано или поздно – до окончания образовательного цикла – она будет-таки получена. Так поступают очень многие. Но далеко не всякая администрация – в нашем университете на такой заведомый подлог, насколько мне известно, не идут – на это смотрит сквозь пальцы. Здесь весьма существен риск: а ну как попадется дотошный абитуриент-студент и попросит показать лицензию, либо какой «добрый человек» сообщит «куда надо». Или еще один вариант развития событий: и через четыре-пять лет лицензия может быть так и не дарована (что также случается): дела-прошения имеют обыкновения «зависать» и «теряться» в вельможных кабинетах, где просто так «на общих и законных основаниях» ничего никогда не делается, ибо российский чиновник, как известно, ворует и жуликуват, всегда готов «стрясти» с просителя «себе на бедность». Тогда что? Конфуз – не слишком страшно. Дело может кончиться – кончалось неоднократно – и судом со всеми крайне неприятными последствиями.

Ну, положим, лицензия получена и можно предоставлять на законных основаниях соответствующие образовательные услуги. Подготовка бакалавра – четыре года, специалиста – пять лет, магистра – шесть. Посчитали, сколько воды за этот период утечет? Через полторы пятилетки мы получим, наконец, востребованного специалиста модной и престижной профессии. Только за прошедший со дня открытия период текущая производственная конъюнктура тысячу раз уже переменится, обществу и государству будут нужны уже совсем другие специалисты. Нет и не может быть в этом деле – по понятию, ибо формируются-то под «текущий стандарт-запрос», а не исходя из некоего «абстрактного целесообразования», – вечных профессий (или, хотя бы, профессий десятилетия) из разряда «всегда пригодятся». Ниша, для которой предназначались наши выпускники как-то и кем-то за эти 6-8 лет забьется и они, скорее всего, останутся также не у дел, как и те, что предпочли избрать вполне традиционные («архаические» или «классические») специальности. Опоздают они со своими ноу-хауми и хай-тэк-технологиями. А значит, им придется снова переучиваться, доучиваться, переквалифицироваться. Итог: опять подготовили ненужных людеспециалистов.

Есть и другие отягчающие обстоятельства. Новое в нашем деле – хо-рошо и приглядно-завлекательно только в кино или в журналистских репортажах. Авангард и эксперимент в процессе образования – это все-гда риск, чаще всего приводящий к печальным последствиям, о чем це-ленаправленно замалчивают провозвестники новшеств. Первые – они же «подопытные кролики», на них «прокатывают» модель. Даже если до-пустить, что идея была прекрасной, замечательной и очень правильной, что мы адекватно оценили конъюнктуру и сделали верные прогнозы, что студентов готовят великие специалисты в своих областях [3], все равно, в полной мере понять «то» ли мы подготовили, все ли професси-онально додали, всему ли необходимому обучили, не переборщили ли с чем, а чему, напротив, недоудилили должного образовательного внима-ния, мы сможем лишь через какое-то время. Выпускник должен прийти на производство (в жизнь), заняться делом, сорентироваться в профес-сии, опытным путем осознать какие обретенные в процессе обучения навыки действительно пригодились, а какие висят ненужным балластом. Способны ли они сходу включиться в реальный производственный про-цесс, или вынуждены доучиваться-переучиваться и т.д. Очень редко – прецедентов не знаю, – оказывается так, что учили именно тому, именно так, и именно столько, как в последующем потребовалось. Ошибки-недосмотры – неизбежны. Здесь виноватых – неуглядевших – нет. Необ-ходимы некоторый временной период, обратная связь с выпускниками, корректировки и изменения программ (подчас, весьма существенные) для того, чтобы максимально приблизиться к запросам производствен-ной реальности. В студенчестве я сам был «первым комканым блином», ринувшись специализироваться на вновь открытую кафедру атеизма (ныне религиоведения). Прельстился, также как и многие сегодняшние студенты, загадочной и многообещающей новизной. Все издержки ста-новления – хлебнул в полной мере. Не приведи Господь повторить! Ве-роятно, потому-то в результате так и не научился профессионально ве-дать религией. С тех пор предпочитаю лишь то, что уже опробовано. Желательно – поколениями предшественников, уже вступивших и иду-щих по этому пути.

Итак, вывод неутешителен: как ни старайся, все равно наши выпуск-ники обречены выходить во взрослую жизнь профессионально неконку-рентоспособными, а мы – бесконечно опаздывать. Как ни торопись, ка-кие рычаги – экономические, дружественные, административные, поли-тические и пр. – ни подключай, все равно быстрее не выйдет. Таков цикл, таковы правила: механизм неповоротлив, медлителен, бюрократи-

чен, плохо организован, отдельные его составляющие работают несогласованно, создавая массу лишних (и очень вздорных) хлопот. С пригорьбием следует признать, что государственное классическое университетское образования обречено влачиться в арьергарде, плодить ненужных людей, не способно в принципе мобильно реагировать на постоянно изменяющийся социальных запрос. За иными формами образовательной практики, чрезвычайно расплодившимися в последние годы (кратковременные курсы, летние школы, мастер-классы, практические семинары, способные мгновенно отзываться на требу дня и, собираясь по конкретному случаю, мобильно обучать клиентуру требуемым полезными и архи-востребованным на данный момент навыкам и пр.), свободными от многих административно-сдерживающих пут, нам все равно не угнаться. Впрочем, как видится, ни они нам – не конкуренты, ни мы – им. Коль мы все же решим с ними на этой ниве – быстрого реагирования – тягаться, то все равно обречены на неудачу: первые, легкие и лихие деньги, они снимут и растворятся, переключившись на иное, предоставив нам подбирать жалкие крохи.

Коль мы не может готовить сейчас нужных людей, выходит, что вся государственная система высшего образования нуждается в демонтаже? Как ни жаль, но история множество раз отменяла самые разные модели институализации жизненного пространства. Устаревшее все равно отмирает. И если наш случай – «тот самый», то... Тем не менее, как, опять-таки, показывает опыт зарубежных – и очень «прогрессивно продвинутых», и не очень – стран, классические университеты еще далеки от списания в архив, а классическая университетская система образования, не смотря на крайний прагматизм сегодняшних дней и обилие всевозможных параллельных образовательных практик, все еще вызывает уважение, а число адептов ее не оскудевает, но даже множится. И дело не в том, что в аналогичных нашему университету зарубежных институциях будто бы больше приближены к жизни. Подчас – гораздо меньше. Дело совсем в другом: в концепте или в установке по отношению к образованию данного уровня. Если мы отталкиваемся от задачи обучить полезным навыкам, подготовить полностью интегрированного в производственный процесс специалиста – что выдвигается сегодня на первый план, – т.е. руководствуемся принципом утилитарной целесообразности, то, несомненно, классические университеты – долой, на свалку. Что ни говоря, жизненно-прагматическая установка – весьма существенная составляющая любого, в том числе и высшего образования. Университетского – в том числе. Однако, практическая польза – не единственный и

даже, как это ни парадоксально может прозвучать, не ведущий момент новоевропейской университетской модели, которой и сегодня следуют почти что во всех заведениях подобного рода – классических университетах. Привитие практических навыков – да, конечно, но – лишь отчасти и не в первую очередь. Принципиальнее иное: воспитание по легитимному образцу, антропологическое формование в самом широком смысле слова, выработка экзистенциальных и лишь на их основе профессиональных установок-позиций. И это – самое существенное.

В советское время распространена была такая присказка. По окончанию института выпускник приходит на производство и первые слова, что говорит ему наставник-практик, вводящий в курс дела, следующие: «Забудь все, что тебя учили в студенчестве. Все это тебе здесь не понадобится!» И это, за редким исключением, соответствовало действительности. Уверен, что творцы и кураторы советского образования прекрасно о том были осведомлены и ничуть не заблуждались относительно слабой подготовленности выпускников вузов к реальным производственным нуждам. С такой же уверенностью могу утверждать, что и любой выпускник престижных западных классических университетов был не менее беспомощным в профессионально-прикладном отношении. Ему также приходилось, в зависимости от сферы деятельности, на ходу обучаться необходимым производственным навыкам, забывая – за ненадобностью – очень многое из того, что ему преподали профессора на студенческой скамье. В университетах всего мира до сего дня дают массу всяких абсолютно бесполезных в практическом отношении знаний. Их освоение занимает огромный временной объем. Они, вроде бы, не нужны: отягчают память, несказанно удлиняют процесс обучения, создают лишние хлопоты. Причем, особых возмущений со стороны общества, равно и самих обучающихся, присутствие в учебных программах целого ряда «лишних» дисциплин не вызывает. Тогда как у нас, по собственному опыту знаю, несть числа протестам: чтение курсов общегуманитарного и социально-экономического цикла вызывало и вызывает активное возмущение. А разговоры об их полном упразднении не прекращаются уже многие годы.

Здесь не место возглашать хвалебное слово этим дисциплинам или защищать их. Тем паче доказывать в тысячу первый раз настоятельную необходимость их присутствия в образовательных программах. Напомним лишь об их функции, т.е. какую роль они играют в процессе подготовки специалистов высшей квалификации. Несомненно, они утяжеляют и удлиняют обучение, а тем самым мешают «мобильно откликаться».

Но именно через них и осуществляется ментально-антропологическая дрессура. Именно они и гарантируют «высшую степень образованности», зиждущуюся на установлении и воспроизводстве неких экзистенциальных структур-установок. Классический университет производил – и производит до сих пор – элиту, «генералов» и «командиров», которые должны уметь правильно (т.е. сообразно с текущими нормативными постулатами общества) ориентироваться в обстоятельствах. Для этого, как считается, ему гораздо важнее знать общие принципы организации той или иной процессуальности, нежели детальную конкретику происходящих конкретных метаморфоз. А для этого – в пределе – необходимо иметь «правильное мнение» о жизни вообще. Иерархия установок: правильный взгляд на жизнь, правильное представление о том разряде жизни, где будешь трудиться, и лишь потом – конкретная организация производственного процесса. Несомненно, перед нами идеологическая программа, реализация принципа властного контроля. Соответственно и выбран акцент. Предполагалось, что лишь при знании неких фундаментальных аспектов (и жизни, и профессии), можно надлежащим образом сориентироваться в текучке происходящих изменений. Важнее знать, как утроено, нежели уметь делать.

Не берусь решать насколько подобная установка – и в отношении реальности, и в отношении образования – плодотворна и эффективна. Действительно ли для мобильной и адекватной реакции на происходящие изменения в первую очередь необходимо понимать «как устроены», основополагающие принципы организации процессуальности. В самом ли деле все разнообразие технологической конкретики – лишь вытекающее из общей структуры и от нее полностью зависимые обстоятельства. Уверенности у меня в том нет. Однако, именно на данной идеологии базируется новоевропейское классическое образование: вначале – понимать «как и почему вертится» (производство, профессия, человек, земля, мир, вселенная), затем уже – «нажимать кнопки». Для последнего, впрочем, существуют техники-технологи (низшее или среднее звено), операторы-наладчики соответствующего производственного отрезка, кнопконажиматели. Специалист же с «верхним», как говорили в советскую старину, не должен досконально знать, как декорирована и организована та или иная кнопочная панель. Кнопки, впрочем, так же как и панели, и всегда-то имели тенденцию достаточно быстро меняться. Если же ты понимаешь – вообще и в принципе – как и из чего «работает» процесс, то без труда и без паники разберешься в его технологических или декоративных мутациях. В качестве аргумента в пользу данной

установки напомним, что большинство нынешних человеческих научно-технических «чуждостей» и «грандиозностей» были сотворены именно в период реализации образовательно-воспитательной программы, в которой первостепенное значение придавалось именно фундаментальной экзистенциально-ментальной дрессуре, осознанию общих принципов организации (той или иной) реальности, и лишь второстепенное – овладению конкретными производственными навыками. Каковы будут успехи сторонников переориентации образования на кнопконажимание, мы узнаем в будущем, и отнюдь не в ближайшем. И никто ведь не возьмется утверждать, что эти достижения затмят собой те, что совершались по, как утверждают нынче, старинке.

Есть и еще один момент. А именно: отбор допускаемого в университетские стены «субстрата» (познавательных стратегий, родов реальности, форм ее презентации и пр.). Классическое «учреждение» уже самим именованием указывает на образец или канон, который именно в силу своей способности репродуцироваться и воспроизводиться, а тем самым вообще стать объектом сохранения-внимания и, соответственно, предметом исследования и ретрансляции, весьма отличен от наличной и вечно изменяющейся действительности, избегающей какой-либо умозрительной догматической структуризации. Пена дней – она и есть пена дней: схлынет и ничего не останется. Лишь, извините за пафос, вечное, либо более или менее устойчивое, то, что «задерживается» на длительный период имело шанс обрести достоинство в коридорах классических университетов. Хорошо ли то или нет – предпочтение ставшего устойчивого становящемуся-изменяющемуся – не мне судить, но ореол некоего хранилища «вечных мудростей», отцеженных от пены дней – одна из важнейших составляющих идеологии классических новоевропейских университетов, не проникнуться которой, находясь некоторое время в стенах любого из них, невозможно.

Итак, теперь – в свете вышесказанного – можно совсем по-другому взглянуть на архаическую неповоротливость и забюракратизированную неуклюжесть системы современного отечественно государственного высшего образования. Безусловно, многочисленные согласования, хождение по инстанциям, дотошное государственное курирование, многочисленные административные препоны – раздражают и нервируют. Однако, необходимо признать, что все это – некий совокупный «страховочный механизм», позволяющий отместить шелуху, пену дней, отделить сиюсекундное от более или менее устойчивого, что далеко не всегда удается сделать в аффективной круговерти будней, склонной в возбуж-

дении преувеличивать значимость того или иного явления. Не берусь утверждать, что «позитивная идеология» функционирования сего механизма – сознательно и целенаправленно кем-то и когда-то установлена. Скорее всего, получилось это стихийно. Может быть вопреки корыстным или бескорыстным радениям конкретных лиц: сработала защита системы. Пока они там документы гуляют по кабинетам чиновников, лежат на их столах, перевозятся с места на место, визируются и отштамповываются по тысячу раз, а наши разворотистые конкуренты снимают первые лихие деньки (нам на зависть), время-то идет, месяцы-годы проходят, пена оседает, жгучая актуальность утрачивается, и мы можем без всякого ажиотажа взглянуть – в месте с обществом – более пристально на суть дела вчерашней образовательной моды. Выдержит она такое испытание временем – хорошо. А нет – тоже не плохо.

Не смотря на все колоссальные изменения, происходящие в нашей жизни (в ее образовательно-воспитательном секторе в том числе), основные постулаты классического университетского образования – ориентироваться на фундаментальное, устойчивое, принципиальное и именно этому отдавать первое место в рейтинги значимостей – все еще остаются актуальными. Да, эти организационные принципы высшего образования теснятся более насущными и отвечающими запросам времени стратегиями обучения. Изменения, сокращения, трансформации – неизбежны. Но едва ли их следует уподоблять «отрядам мгновенного реагирования»: все равно ведь будем запаздывать.

А посему, как это ни крамольно прозвучит, все нервно-сиюминутное – новое! – и не нужно вовсе. Уточню: не о технологическом переоснащении учебного процесса речь. Тут двух мнений быть не может [4]. Речь о погоне за «пульсом времени», который выражается не только в инструментальной актуальности применяемого оборудования, но и, в частности, в стремлении открывать все новые и новые специальности и направления, невиданные и неслыханные до сего времени. Уверен, что наша «фишка», извините за новомодный расхожий сленг, не в том, чтобы научить нажимать кнопки на клавиатуре. На это натаскают нынешние аналоги когда-то чрезвычайно распространенных курсов кройки и шитья. Ни мы им, ни они нам, повторю, – не конкуренты. Разные уровни, ступени, задачи. Но когда именно принцип новизны становится оголтелой стратегической установкой, то это – искус и томление сердца (если ни замороженность «экономическими прелестями»).

Еще один аспект: насколько освоение принципиальных и фундаментальных аспектов способствует (или не способствует) ориентации в

жизни и в том роде деятельности, которым будут наши выпускники заниматься по окончанию университета. Иначе говоря: нужно ли знать эти самые «в принципе» и насколько наши «в принципе» адекватны современности. Тут ничего решать или высказываться не берусь. Это дело конкретных опытов жизни, а они – весьма и весьма разнообразны. Впрочем, подобные вопрошания – не проблема знания как такового, научного, академического, университетского, и даже – не образования (концепта образования), но – идеологических правительственных директив и «структур повседневности». Судя по тем декларациям, которые ныне выписаны на знаменах власти, никаких особых, радикальных, перемен по сравнению с тем, что было 60 или 100 лет тому назад, не произошло и произойти не может. «Социально-привилегированный тип» (элита как таковая) – как культурная позиция – отнюдь не изменился, слегка принарядился, конечно, облачился в модные «шмотки» – не более. Да и «выращивается»-то он все в тех же самых, уже добротнo освоенных и доказавших свою пригодность для подобного рода деятельности на протяжении достаточно долгого периода времени, заповедниках.

И еще. Глубоко уверен, что таких вот «фундаментальностей» (профессиональных в том числе) не так много в принципе. Не так уж часто они кардинально изменяются или объявляются – вдруг! – новые. Не всякий день и не всякий год. Едва ли на сегодняшний день – при всех нынешних стремительных темпах обновления – остались какие-нибудь существенные предметные области, имеющие право притязать на фундаментальное, а не только сугубо прикладное-технологическое, исследование/освоение. И совсем не потому, что «жизнь полностью исчерпана», а по другим причинам. Во-первых, потому, что не всякий разряд реальности может быть освоен в рамках новoeвропейской эпистемологической программы, дидактическим инструментом которой как раз и является классическая университетская система [5]. А во-вторых, существует некоторый, как это ни удручающе прозвучит для восторженных радетелей новизны, предел восприятия нового, превышение которого с неизбежностью ведет к разрывам (физиологическим, психологическим, историческим, социальным, культурным), что чревато всякими не слишком приятными во всех отношениях эксцессами. Баланс между инновационными и традиционными тенденциями обеспечивает стабильность и плодотворность поступательного развития системы. Чрезмерное, либо перманентное, обновление на самом деле отнюдь не повышает способность адаптироваться в окружающей действительности, но напротив, ее понижает. Как представляется, сегодня подобный риск

(чрезмерная гонка за обновлением создает угрозу дезориентации в жизни и неадекватную реакцию на окружение) как никогда существенен. Причем не менее, чем риск приобретения этих же самых «чудесных качеств» из-за слепой и догматической приверженности традиции. Когда же «связь времен рвется», то... Впрочем, это уже другой разговор.

Думается, что вся неповоротливость и архаическая неспешность академического университетского образования, со всем ворохом абсолютно, как кажется на первый взгляд, ненужных в прикладном-практическом отношении вещей, удушающих и иссушающих нежную трепетность свежей жизни, как раз и способствует тому, чтобы связь времен не распадалась. Гигантомания и универсализм советского периода вроде бы не нужны и действительно устарели. Едва ли фундаментальные установки можно и нужно тиражировать массово. Вероятно, и в самом деле техники-технологи нынче более актуальны. Да и было ли как иначе в любые другие времена?! Но вряд ли одними операторами-наладчиками – даже самыми прекрасными и виртуозными – можно ограничиться: откуда они будут получать «команду»? Не от Господа же Бога!

P.S. И в нашем университете, и на нашем факультете за последние постперестроечные пятнадцать лет открылось множество новых специальностей, специализаций, направлений. Факультеты менеджмента, международных отношений, медицинский – это в университете. Религиоведение, конфликтология, культура Востока, теперь вот с нынешнего года еще музееведение и прикладная этика – на философском факультете. Там, где речь шла о простой смене вывески (например, с религиоведением) уже налаженного и опробованного процесса подготовки специалистов, никаких, мягко говоря, «недоумений» от того, чему, как и кто их учит, а главное, что они приобретут по окончании университета, у студентов-выпускников не возникало. А вот там, где дело заваривалось на пустом месте – международные отношения, менеджмент, наши конфликтология или культура Востока – сценарий повторялся с теми или иными вариациями (где более нервно, где менее) один и тот же. Вначале – вал абитуриентов и ажиотаж. Новая престижная «фишка», равно как и рекламные посулы зазывал прельщали и завораживали. Потом, в процессе обучения, когда поступившие стали входить в курс дела, – разочарование: дают плохо, одно и то же, много лишнего и устаревшего, преподаватели не многим больше студентов понимают, что нужно делать. А под конец, уже после первых выпусков, когда стало очевидно, что

официальный государственный диплом по казавшейся прежде престижной и архиактуальной специальности не слишком способствует успешной карьере, что их положение не многим лучше, а зачастую и хуже тех, кто не гнался за новизной, но предпочел архаически-кондовые, существующие с незапамятных времен, специальности, так и вовсе дела стали плохи. Это вполне объяснимо. На пустом месте – это ведь касается не только обучения в университете, но и маршрутов-мест, по которым выпускники потом рассеиваются по жизни. Когда с нуля, наезженных поколениями и поколениями предыдущих выпускников путей/вариантов получения работы и обретения профессионального, также как и социального, статусов в принципе не может. Все происходит окказионально и непредсказуемо. Отсюда и мытарства.

Дай Бог – хотя я почти уверен, что именно так случится и на сей раз, – чтобы ничего такого с нашими музееведами и прикладными этиками не произошло.

Примечания

1. Разве что одному, вполне риторически-идеологически ангажированному: насколько то, что артикулируется – где бы то ни было, на каком угодно уровне – как «реальность» (или требование реальности) действительно этой самой реальности жизни соответствует. Не является ли оно просто «частным (превратным) мнением» тех, кто имеет возможность собственный «концепт реальности» – представление о том, что нужно – настойчиво внедрять. Ну да о «таких материях» все равно ведь договориться невозможно, ибо – мировоззрение.

2. Хотя сей момент, по-видимому, тоже имеет место в действительности, а не только в риторике идеологии.

3. Что – очень большой редкостью. Нормой же является как раз обратное: где взять специалистов в «новом»? Новое – оно по определению другое, неведомое. Поднаторевшие и прекрасно зарекомендовавшие как действующие специалисты на сем поприще – либо «из старого», либо, в большинстве случаев, самоучки-автодидакты, подчас не многим больше знающие о предмете, чем те, что сидят в аудитории. Кроме того, даже виртуоз-практик совершенно необязательно окажется способным передать свои навыки другим. Педагогика – вещь тонкая и деликатная. Мои коллеги прекрасно осведомлены в этих «щекотливых моментах», хотя и не слишком любят о них распространяться перед абитуриентами в дни «Открытых дверей».

4. Это как в случае с грамотностью. Поголовное умение читать и писать – это совсем не показатель какой-то там уж культурности или продвинутости (народа, нации, страны), так же как неумение – отсталости. Просто в определенный момент развития сей навык стал обиходным требованием повседневной жизни. Не более того. В большинстве современных стран неграмотный человек не сможет выжить, адекватно реагировать на задачи жизненного пространства пространстве. Наверняка сохранились и до сего дня уголки на Земле, где сей навык необязателен, где вполне можно существовать в социуме без риска из него выпасть, не умея ни писать, ни читать. Там в круг повседневных жизненных нужд входят иные навыки. Точно также и с нынешними технологическими средствами. Совершенно очевидно, что без них в современном городе, даже и в Российском, выжить становится все труднее и труднее. Еще в большей степени от них зависит твоя жизнь в профессии. Это – норма, стилистика, если хотите, требование к владению инструментарием, без которого существование в контексте современности будет либо затруднено, либо невозможно. Но одно дело относить ко всем этим новомодным наворотам как к подсобному и прикладному инструменту, другое – творить из него кумира.

5. Например, нонсенсом являются недавно открытые в некоторых государственных – сугубо светских! – высших учебных заведениях факультеты или кафедры теологии. Исключительно издержками нашего довольно сумбурного времени можно объяснить подобные прецеденты. Хочется верить, что когда пена дней осядет, то и теологические подразделения будут закрыты или как-нибудь более изящно и в соответствии со стилистикой места переименованы. Никаких сомнений в целесообразности исследования теологической проблематики у меня нет и никогда не было. Просто изучение того рода реальности, что выступает предметом теологических штудий, и в соответствии с применяемыми в данной познавательной практике стратегиями, не то, что входит в противоречие с новоевропейской эпистемой, – если бы так, то достаточно было бы произвести некоторые процедуры согласования «стартовых позиций» и этим ограничиться, – но с неизбежностью ведет к демонтажу последней.